

Яковъ Іоганъ Урсинусъ.

Профессоръ-депутатъ Екатерининской комиссіи для сочиненія проекта новаго Уложенія.

„Законодательство—не раба древностей; но препоручила намъ Ея Императорское Величество справедливые законы проектировать, которыми бы всякія несправедливости древнихъ законовъ и привычекъ отмѣнены были“.

(Изъ рѣчи Урсинуса въ засѣданіи комиссіи 29 сентября 1768 г.—Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, томъ XXXVI стр. 63).

Всѣмъ знакомымъ съ исторіею Екатерининской комиссіи для сочиненія проекта новаго Уложенія — этого, можно сказать, непосредственнаго предшественника нынѣшней Государственной Думы—извѣстно, что, какъ составъ ея, такъ и дѣятельность ея членовъ носили характеръ сословный или классовый. Говоря вообще, депутаты комиссіи отстаивали интересы тѣхъ группъ населенія, которыми были избраны. Нельзя не отмѣтить, что нѣкоторые депутаты понимали эти интересы болѣе широко, другіе болѣе узко. Были представители, напр., дворянскихъ интересовъ, которые старались показать связь защищаемыхъ ими положеній съ интересомъ цѣлаго государства, или отстаивали вмѣстѣ съ правами своего сословія права крестьянъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ выгоды обоихъ сословій совпадали или, по крайней мѣрѣ, другъ другу не противорѣчили. Представители городовъ поддержи-

вали во многихъ случаяхъ интересы другихъ низшихъ сословій, противорѣчившіе исключительно вождельніямъ дворянства, но не затрогивавшіе вовсе того, что было предметомъ стремленій городскихъ обывателей. Были между депутатами люди высокообразованные, которые высказывались и прямо противъ интересовъ своего сословія. если видѣли, что защищающіе ихъ, преслѣдуя исключительно выгоды одного сословія, готовы на явную несправедливость по отношенію къ остальной части населенія. Такъ напр., когда депутатъ Кашинскаго дворянства (Кожинъ) предложилъ обложить брачущихся всѣхъ сословій налогомъ съ цѣлю получить средства къ открытію училищъ, назначаемыхъ исключительно для дѣтей дворянъ, депутатъ С—го дворянства (гр. Александръ Строгановъ) тотчасъ же сдѣлалъ возраженіе, указывая между прочимъ на то, что „всякій налогъ на общество долженъ служить въ пользу всего того общества, а не одной его части“ (Сборникъ Русскаго Истор. Общества, т. IV, стр. 173—175). Но, несмотря на то, что безпристрастный изслѣдователь можетъ указать за полутора годовой періодъ дѣятельности комиссіи не мало такихъ и тому подобныхъ случаевъ; общій характеръ работъ собранія остается такимъ, какимъ онъ показанъ въ первыхъ строкахъ предлагаемаго очерка: депутаты являлись выразителями желаній и стремленій тѣхъ или другихъ классовъ, на которые въ то время раздѣлялось населеніе страны. Факты, нѣсколько противорѣчащіе такому опредѣленію, были явленіями спорадическими, отрывочными.

Совершенно особенное положеніе между депутатами по своему направленію, талантамъ и характеру дѣятельности занималъ депутатъ города Дерпта—профессоръ Урсинусъ.

Онъ, какъ увидимъ далѣе, вовсе не былъ выразителемъ интересовъ какого-нибудь сословія или какой-нибудь мѣстности. Онъ былъ представителемъ той группы населенія, которая слагалась послѣ петровской реформы постепенно, медленно образуя то, что теперь называютъ интеллигенцію страны. Онъ систематически выдвигаетъ и защищаетъ интересы цѣлаго общества и государства—разумѣется, въ предѣлахъ своего пониманія этихъ интересовъ, но при этомъ ясно, что его пониманіе дѣла, благодаря его разностороннимъ познаніямъ, превосходило и широтою, и ясностью пониманіе весьма многихъ современниковъ и сочленовъ по комиссіи. Требуя справедливости, онъ желалъ въ то же время, чтобы особые права и привилегіи предоставлялись лишь тѣмъ, кто приноситъ дѣйствительную пользу государству и обществу, и чтобы поле дѣятельности общественной было расчищено для всѣхъ, кто обладаетъ необходимыми для нея качествами и знаніями.

Изъ историковъ, занимавшихся временемъ Екатерининской комиссіи, особенно цѣнили дѣятельность Урсинуса профессоръ Брикнеръ, называвшій его „однимъ изъ лучшихъ ораторовъ комиссіи“, и говорившій, что его „участіе въ преніяхъ по всѣмъ вопросамъ“ было „чрезвычайно дѣятельно и успѣшно“ (Исторія Екатерины II, часть IV, глава IX, стр. 567 и 586).

Авторъ предлагаемаго очерка полагаетъ, что соединеніе и сопоставленіе всего, что можно сказать на основаніи напечатаннаго въ разное время и въ разныхъ изданіяхъ о дѣятельности Урсинуса въ комиссіи—главнымъ образомъ въ тѣхъ книгахъ Сборника Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, которыя посвящены историческимъ свѣдѣніямъ о Екатерининской комиссіи (томы VIII, XXXII и XXXVI), можетъ представить значительный интересъ для всѣхъ, кого занимаетъ комиссія съ какою бы то ни было точки зрѣнія.

Урсинусъ—депутатъ города Дерпта—называется постоянно профессоромъ. Является прежде всего вопросъ: гдѣ онъ былъ профессоромъ, и какую науку преподавалъ. Англійскій посоль въ С.-Петербургѣ—лордъ Каскартъ (Cathcart)—въ письмѣ отъ 19 (30) августа 1768 года (Сб. Р. И. О., т. XII, стр. 359) называетъ Урсинуса профессоромъ изъ Лифляндіи (a professor from Livonia).

Профессоръ Сергѣевичъ въ предисловіи къ первому подъ его редакціей изданному тому Сборника Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, посвященному свѣдѣніямъ о Екатерининской комиссіи (т. XXXII), на страницѣ XVII называетъ Урсинуса *профессоромъ Дерптскаго университета*. Профессоромъ Дерптскаго университета Урсинусъ быть не могъ потому, что въ Дерптѣ въ 1767 году—когда онъ вошелъ въ составъ комиссіи—университета не было.

Настоящій Дерптскій (Юрьевскій) университетъ открытъ въ 1802 году (Указъ о его открытіи былъ данъ Императоромъ Павломъ I еще въ 1798 г.). Правда, въ Дерптѣ существовалъ университетъ и ранѣе, но только во времена шведскаго владычества. Онъ былъ основанъ подъ именемъ Academia Gustaviana Густавомъ Адольфомъ. Academia Gustaviana существовала до взятія Дерпта русскими войсками въ 1656 г. По возвращеніи Дерпта Швеціи на основаніи Кардисскаго мира (1661 г.), шведское правительство долго колебалось: возстановить ли университетъ въ Дерптѣ, или открытъ новый университетъ въ другомъ городѣ—~~въ~~ къ морю и подалѣе отъ восточной границы. Наконецъ Карлъ XI рѣшилъ вопросъ въ пользу Дерпта, и въ 1690 г. Дерптскій универ-

ситетъ былъ возобновленъ, но просуществовалъ не долго: въ 1699 г. Карлъ XII, въ виду надвигавшейся военной грозы, издалъ указъ о перенесеніи его въ Перновъ. Туда перешли не многіе изъ учащихся. Въ 1704 г. войсками Петра Великаго былъ взятъ Дерптъ, а въ 1710 г. Перновъ. Профессора университета еще до осады Пернова успѣли уѣхать въ Швецію, куда перевезли университетскую бібліотеку. Съ тѣхъ поръ въ Остзейскомъ краѣ до 1802 года университета не было (см. историческій очеркъ Е. В. Пѣтухова: Императорскій Юрьевскій, бывшій Дерптскій, университетъ за 100 лѣтъ его существованія, т. I, Юрьевъ, 1902 г.).

Прямое подтвержденіе того обстоятельства, что Урсинусъ не только что не былъ связанъ съ г. Дерптомъ какою-нибудь службою, но и не проживалъ никогда въ этомъ городѣ, находимъ въ статьѣ г. Змигородскаго: „Городъ Юрьевъ Лифляндской губерніи и манифестъ 14 декабря 1766 года“, помѣщенной въ XIV томѣ сборника Учено-Литературнаго Общества при Юрьевскомъ университетѣ за 1909 годъ. Статья посвящена описанію дѣятельности Фридриха Конрада Гадебуса (Gadebusch), синдика, впоследствии Justizbürgermeister'a города Дерпта, бывшаго передъ Урсинусомъ депутатомъ этого города въ Екатерининской комиссіи. Въ статьѣ этой между прочимъ сообщается слѣдующій фактъ, свѣдѣнія о которомъ извлечены авторомъ изъ архива города Юрьева. Лифляндскій генераль-губернаторъ прислалъ въ Дерптскій магистратъ запросъ о мѣстѣ нахождения профессора Урсинуса, съ котораго государственное казначейство требовало возвращенія золотого депутатскаго знака или уплаты за него 67 р. 89 коп. Магистратъ сообщилъ отъ 26 мая 1804 г., что профессоръ Урсинусъ никогда въ Дерптѣ не жилъ и былъ родомъ изъ Финляндіи. Г. Змигородскій отсюда вывелъ заключеніе, что Урсинусъ вѣроятно былъ профессоромъ Абоскаго университета (это мнѣніе опровергается справками, наведенными профессоромъ Гельсингфорскаго университета барономъ С. А. Корфомъ, который въ письмѣ отъ 3 января 1911 г. мнѣ сообщилъ, что въ Або профессора Урсинуса около середины XVIII вѣка не было).

Ошибка профессора Сергѣевича повторена въ „Азбучномъ указателѣ именъ русскихъ дѣятелей для русскаго біографическаго словаря“, ч. II, М—Θ, въ LXII т. Сборника Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, гдѣ читаемъ (стр. 373): „Урсинусъ Яковъ, профессоръ Дерптскаго университета, депутатъ въ комиссіи новаго уложенія 1767 г. отъ гражданъ города Дерпта Лифляндской губерніи“.

Я полагаю, что вопросы о томъ, почему Урсинусъ называется профессоромъ, и почему онъ сдѣлался депутатомъ города Дерпта, рѣшаются на основаніи извѣстій, сообщенныхъ въ дневникѣ Гаде-

буша, выдержки изъ котораго напечатаны въ „Baltische Monatschrift“ 1862 г., т. V, въ статьѣ: „F. K. Gadebusch in der Reichsversammlung zu Moskau“, подписанной G. B. Авторомъ статьи г. Змигородскій признаетъ Берхгольца—редактора названнаго журнала. Свѣдѣнія, сообщаемыя Гадебушемъ, вообще любопытны, но я возьму изъ нихъ только то, что можетъ выяснитъ, какъ и при какихъ условіяхъ Урсинусъ вошелъ въ составъ Екатерининской комиссіи.

Извѣстно, что при первоначальныхъ выборахъ депутатовъ въ комиссію въ разныхъ частяхъ Остзейскаго края имѣли мѣсто многія недоразумѣнія. Изъ помѣщеннаго въ I главѣ XXVII тома „Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ“ С. М. Соловьева (по изданію Т-ва „Общественная Польза“, книга VI, стр. 314) донесенія Сенату лифляндскаго генераль-губернатора Броуна видно, что города Пернау и Дерптъ подали просьбу о своихъ изнеможеніяхъ, по которымъ не находятся въ состояніи выбрать депутатовъ изъ своихъ жителей: „городская казна отягощена великими долгами, не изъ чего дать на содержаніе депутатовъ и помогать оставшимся ихъ семействамъ“. Жители названныхъ и нѣкоторыхъ другихъ городскихъ поселеній Лифляндской губерніи желали свое полномочіе поручить выбранному отъ рижскаго мѣщанства депутату, каковымъ былъ ратсгеръ Юганъ Христофъ Шварцъ (В. Н. Латкина „Законодательныя комиссіи въ Россіи въ XVIII столѣтіи“, стр. 213 и 214; Сб. Русскаго Истор. Общества, т. IV, стр. 32). Сенатъ однако рѣшилъ поступить по точной силѣ и разуму манифеста (исторія Соловьева, *ibidem*). И вотъ, безъ сомнѣнія вслѣдствіе этого рѣшенія, городъ Дерптъ избираетъ и посылаетъ въ Москву своимъ депутатомъ синдика Гадебуша. Гадебушъ, получивъ на повѣзку отъ Дерптскаго мѣщанства 550 рублей (Reisegeld), выѣхалъ изъ Дерпта 12 іюля 1767 года и прибылъ въ Москву 1 августа, получивъ наказъ отъ избирателей уже въ дорогѣ.

Гадебушъ не только не могъ говорить по-русски, но вовсе и не понималъ русской рѣчи, и потому относился совершенно безучастно къ преніямъ, происходившимъ въ большой комиссіи. Онъ могъ въ своемъ дневникѣ отмѣтить только 2 эпизода изъ дѣятельности комиссіи, а именно 2 столкновенія между дворянскими депутатами и представителями низшихъ сословій. Но Гадебушу пришлось работать въ нѣкоторыхъ частныхъ комиссіяхъ. Къ продолженію его депутатской дѣятельности встрѣтилось особое препятствіе: матеріальныя средства его истощились. Кроме выданныхъ городомъ 550 р., онъ получалъ изъ казны, наравнѣ съ другими городскими депутатами, 122 р. въ годъ (депутаты отъ дворянства получали въ годъ по 400 р., всѣхъ прочихъ сословій, кромѣ

городскаго, по 37). Этого оказалось слишкомъ мало, и Гадебушъ просилъ, чтобы городъ, его избравшій, назначилъ ему пособіе, по крайней мѣрѣ, 1200 р. въ годъ. Просьба оказалась безрезультатною (nichts heilsames, nichts zuverlässiges folgete). Поэтому Гадебушъ обратился къ маршалу комиссіи (генералу Бибикову) съ просьбою объ освобожденіи отъ депутатскихъ обязанностей. Слѣдовало съ согласія маршала пріискать достойнаго человѣка, который согласился бы принять эти обязанности на себя, и въ такомъ случаѣ маршалъ испрашивалъ на передачу депутатства согласіе большой комиссіи. Это испрашиваніе имѣло чисто формальное значеніе, такъ какъ изъ массы случаевъ передачи депутатскихъ правъ и обязанностей (на время или навсегда) мы не знаемъ ни одного случая отказа со стороны собранія. Дѣло сводилось въ сущности на согласіе 3-хъ лицъ: стараго депутата, новаго и маршала. Чѣмъ руководствовался маршалъ при дачѣ своего согласія, спрашивалъ ли онъ предварительно чьего-нибудь мнѣнія,—это остается для насъ неизвѣстнымъ. Въ данномъ случаѣ Гадебушъ пріискалъ на свое мѣсто профессора Московскаго университета (den Moskauer Professor) Урсинуса и послѣ формально выраженнаго согласія большой комиссіи (nachdem dieses von der allgemeinen Versammlung genehmigt worden)—въ засѣданіи 6 ноября 1767 года—передалъ Урсинусу депутатскій знакъ (die Deputirten Medaille) и казенное жалованье (von der Krone bezogene Besoldung) и 21 ноября покинулъ Москву (названный журналъ, стр. 150).

Обстоятельный рассказъ Гадебуша, мнѣ кажется, не можетъ вызывать никакихъ сомнѣній относительно соціального положенія его замѣстителя. Полагаю себя въ правѣ перевести слова „Moskauer Professor“ словами „профессоръ Московскаго университета“, такъ какъ не знаю другихъ московскихъ заведеній того времени, въ которыхъ бы могъ профессорствовать Урсинусъ, судя по имени—Яковъ Юганъ—не принадлежащій къ господствующему вѣроисповѣданію. Къ сожалѣнію, свидѣтельство Гадебуша не можетъ быть подтверждено источниками университетскими. Въ біографическомъ словарѣ профессоровъ Московскаго университета, вышедшемъ по поводу столѣтія университета, имени Урсинуса не встрѣчается. Объяснить это явленіе можно неполнотою архива Московскаго университета, не содержащаго вовсе документовъ о времени, предшествовавшемъ 1813-му году,—всѣ они погибли во время нашествія Наполеона въ 1812 году. Тѣмъ не менѣе рассказъ Гадебуша до сихъ поръ кажется сомнѣній. Но только онъ не даетъ никакой возможности рѣшить, какую именно отрасль знанія преподавалъ Урсинусъ. Судя по направленію его мыслей и по тѣмъ познаніямъ, какія об-

наружены его дѣятельностью въ комиссіи, скорѣе всего предположить, что его спеціальностью было право *публичное* или науки, находящіяся съ публичнымъ правомъ въ ближайшей связи. Обращаю вниманіе на матеріальныя условія, при которыхъ Урсинусъ вступилъ въ составъ комиссіи. Гадебушъ не считалъ возможнымъ обходиться безъ пособія отъ избраннаго его города въ размѣрѣ не менѣе 1.200 р. въ годъ. Если Дерптъ отказалъ въ какомъ бы то ни было пособіи своему избраннику, то очевидно никакого пособія отъ него не могъ ждать замѣститель послѣдняго—человѣкъ, ничего общаго съ городомъ не имѣющій. Стало бытъ матеріальнымъ вознагражденіемъ за дѣятельность въ собраніи Урсинусу оставалось только казенное жалованье городского депутата, какъ выше указано—122 р. въ годъ, т. е. почти $9\frac{1}{4}\%$ того, что считалъ нужнымъ для себя Гадебушъ (1.200 р. + 122 р.). Разумѣется, мы не знаемъ, не сохранилъ ли Урсинусъ вознагражденіе, которое онъ получалъ по профессорской должности, и какое это было вознагражденіе.

Если Урсинусу было легче содержать себя въ Москвѣ, чѣмъ пріѣзжому изъ Дерпта Гадебушу, то вѣдь черезъ 2 мѣсяца послѣ вступленія Урсинуса комиссія была переведена на новое мѣсто—въ Петербургъ, и этотъ переѣздъ не заставилъ Урсинуса послѣдовать примѣру Гадебуша, т. е. сложить депутатское званіе. Во всякомъ случаѣ не матеріальныя выгоды расположили Урсинуса принять депутатское званіе.

Количественно дѣятельность Урсинуса въ большой комиссіи можетъ быть выражена такъ. По вступленіи Урсинуса, т. е. послѣ 6 ноября 1767 г., большая комиссія имѣла 153 засѣданія—изъ нихъ 20 засѣданій въ Москвѣ и 133 въ Петербургѣ. Изъ этихъ засѣданій въ 2-хъ въ Москвѣ и въ 19 въ Петербургѣ Урсинусъ принималъ активное участіе, представляя свои мнѣнія и замѣчанія или участвуя въ преніяхъ по возбужденнымъ вопросамъ. Веѣхъ рѣчей, имъ произнесенныхъ или прочтенныхъ въ Москвѣ, было 2, а въ Петербургѣ 43. Письменныхъ мнѣній было представлено: въ Москвѣ одно (Сб. Русск. Ист. Общ., т. VIII, стр. 269—273), въ Петербургѣ—5 (Сб. Имп. Русск. Ист. Общ., т. XXXII, I приложение № 40; *ibid*, т. XXXVI, III приложение къ т. XXXII, №№ 9, 14, 25 и 26).

Обращаюсь къ изложенію того, на что направлялась, и въ чемъ выражалась эта дѣятельность.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ При слѣдующихъ ссылкахъ на томы Сборника Русскаго Историческаго Общества я буду приводить только №№ тома (римскими цифрами) и страницы (арабскими).